Свидетельства минувших дней

…Листая страницы газет минувших лет, я остановила свой взгляд на материале, посвященном 90-летию со дня открытия светской школы в районе. Письмо-воспоминание учительницы Л.П. Попковой, опубликованное в марте 1996 года, заставило мысленно перенестись в довоенную эпоху, когда школа в Лямбире была одноэтажная и деревянная, татарский язык базировался на латинице, а культурная жизнь, бьюшая полноводным ключом, превращала школу в очаг полнокровно пульсирующей общественной жизни всего села. « … Запевалой в хоре был Энвер Мансуров – брат Сажиди Мансуровой. Она и училась, и работала в нашей школе, а теперь, наверное, на пенсии. …», - эти скупые строки об одной из легендарных учителей с большой буквы изменили ход мысли: а ведь ей уже под девяносто – просто живая история села! Какие глубины мыслей, воспоминаний, знаний, должно быть, в этой мудрой, убеленной сединами, голове!

Наперекор судьбе

Мысль породила действие – и вот мы уже у дверей скромного домика, греющего душу и взор теплом испещренного морщинами времени дерева. С порога – в уютную гостиную. Круглый стол в центре сразу оброс ворохом пожелтевших бумаг и кипой старинных альбомов из семейного архива Алукаевых-Мансуровых. Сажидя Хусаиновна бережно брала в руки безмолвные свидетельства минувших дней, каждое из которых порождало ручейки ностальгических воспоминаний, слившихся в одну большую реку, то спокойную, то бурную…И центральное место в рассказах о прошлом заняла, конечно, фигура отца – Хусяина Хасяновича Мансурова – одного из тех, кто стоял у истоков создания татарского района с центром в селе Лямбирь.
«Родилась я в селе Тат.-Юнки Торбеевского района, - начала повествование Сажидя Хусяиновна. – В семье потомственных крестьян. Мать, Ханифя Ахмятшеевна, занималась ведением хозяйства и воспитанием детей. Росли мы в бедности, но жили дружно и перед трудностями не пасовали. Главное, чему учили нас родители, это трудолюбие, честность и умение противостоять жизненным невзгодам…»
Хусяин Хасянович, потерявший своего отца в пятилетнем возрасте, сызмальства познал нужду. Чтобы прокормиться, им с матерью приходилось батрачить в богатых семействах. Вся эта безысходность, ужасающая бедность, ощущение несправедливости жизненного устройства, когда единственный близкий человек, хрупкая женщина, была

вынуждена трудиться, не зная ни сна, ни отдыха (отчего достаток в семье отнюдь не прибавлялся, а лишь позволял едва-едва сводить концы с концами), тяжким гнетом давили на душу и сознание растущего мальчика. И вот, дабы облегчить жизнь своей матери и самому обрести сносное существование, Хусяин Мансуров с группой других отроков и юношей из села отправился на подработки в Харбин, русский город на маньчжурской земле. В течение восьми лет за еду, жилье и одежду трудился он в магазине односельчанина – бая Акишева. Старинное фото из семейного архива от 1 апреля 1916-года – целое повествование, безмолвное, но красноречивое, о юноше, который ценой собственных усилий, упорного труда и целеустремленности из босоного мальчишки вырос в статного юношу со взглядом «не мальчика, но мужа». Не пропали даром наставления отца и матери, да и уроки сельского муллы, научившего счету, арабскому письму и чтению, пригодились смышленому малому – поднатореть в торгово-бухгалтерском деле, заронились семена организаторских навыков, так пригодившихся ему впоследствии.
В семнадцатом вернулся он домой. Но не успела мать наглядеться на сына, как едва достигший совершеннолетия Хусяин был мобилизован рядовым в 16-й Сибирский стрелковый запасный полк царской армии, дислоцирующийся в Канске. Отпущенный за примерную службу домой, Хусяин в октябре хотел было возвратиться в свою часть, но революционные события, всколыхнувшие солдатские массы и породившие беспорядки в железнодорожных сообщениях, не позволил юноше вернутся на службу.

У истоков
создания района

Разочарованный бессмысленностью войны, разуверившийся в существующем старорежимном строе, он всем сердцем принял революцию, поверив лозунгам о свободе, равенстве, братстве. Сообразительного и весьма грамотного для своего времени молодого человека назначают председателем татарского комитета бедноты в Тат.-Юнках. Постепенно набирает обороты его карьера руководителя: в 1919-м он избранный секретарь тат.-юнкинского сельского совета, в 1922 году Мансуров становится членом Усть-Рахмановского волостного совета, в 24-ом – заведующим волостной финансовой частью и в этом же году его выбирают секретарем Тат.-Юнкинского сельского совета. В последующие два года он уже член Торбеевского волостного исполкома. В 1926 году Пензенский губернский комитет командирует молодого перспективного деятеля Хусяина Мансурова на учебу в Татарский Коммунистический Университет города Казани.
По окончании университета, после работы в Саранске, Хусяина Хасяновича Мансурова направили в Лямбирь. Новорожденному национальному району требовались толковые руководящие кадры, могущие возглавить титаническую работу по дальнейшему становлению Лямбирского района. Идея двадцатипятитысячника Зиннятуллы Муратова об организации татарского района, начавшаяся воплощаться в 1933 году, требовала дальнейшей реализации. И Х.Х. Мансуров, оставшийся в памяти лямбирцев как первый предрик (Председатель районного исполнительного комитета), наряду с первым

секретарем РК ВКП(б) Алимом Садыковичем Исеевым, были одними из тех исполинских фигур, которые взвалили на свои плечи труд по формированию инфраструктуры Лямбиря как районного центра, ваяли образ района и трудились над наполнением его содержания. Им досталось самая тяжелая и трудоемкая работа. Острый дефицит грамотных специалистов в разных отраслях народного хозяйства заставил задуматься над организацией курсов обучения партийных работников, счетоводов сельских советов, секретарей. В течение 1934 года под руководством Хусяина Хасяновича были открыты четыре школы, больницы, организована МТС. А за три года, пока он возглавлял Лямбирский РИК, был возведен и обеспечен кадрами целый ряд учреждений: исполком, райфо, райзо, нарсуд, прокуратура, сберкасса и многое другое. Денно и нощно он корпел над выполнением поставленных задач, вникал во все проблемы села и района, о чем свидетельствует стенограмма речи Мансурова на первом республиканском съезде Советов от 22 декабря 1934 года, например, говоря о кадрах района и не боясь критики в свой адрес: «…К сожалению, присылают тех, кто никуда не годится. Один взял 1 тысячу рублей и до сих пор не вернулся…».

«Германский
шпион»

К середине 1937 года тучи начали сгущаться над головой первого предрика района. Хотя, казалось бы, ничто не предвещало худого: Хусяина Хасяновича избрали первым секретарем Лямбирского РУ ВКП(б). Но 29 же июня получил строгий выговор «за политическую беспечность, не принявшему мер к ликвидации последствий вражеского выступления (в связи с закрытием церкви в одном из сел района) и не поставившего обком в известность об этом выступлении в течение четырех дней». За этими сухими, жесткими официальными обвиняющими строками видится совсем другой образ, отнюдь не преступника и врага народа, а гуманного руководителя, сумевшего сохранить свой морально-нравственный облик в условиях тоталитарной слежки и авторитаризма. Возмущенный крик души людей, чьи символы веры были низвергнуты и растоптаны, видимо, нашел отклик и в его сердце, человека, взращенного на традициях ислама и уважении к человеку. Неведомо нам, что руководило им в то время – чувство ли сострадания к верующим, простое ли невнимание к этим протестам, но, благодаря этому «невниманию», наверняка, многие сельчане избежали арестов и ссылок.

Однако, совсем другую оценку давали поступкам Мансурова в соответствующих структурах. Присовокупив к неподобающей «мягкотелости» руководителя сфабрикованное по ложному доносу обвинение в шпионаже в пользу Германии и Японии, его сняли с должности, исключили из партии и арестовали. Дошло до того, что его стали обвинять в злонамеренном умысле взорвать городскую ТЭЦ. Под следствием в Саранске он находился два года и восемь месяцев. Дознаватели с маниакальным упорством выбивали из Мансурова признание вины. Изощренные издевательства, калечащие физических и морально-нравственный облик человека, оставили глубокий и печальный след в душе и на теле Хусяина Хасяновича…

(Продолжение в следующем номере)